

16

НОВАЯ ГАЗЕТА
№ 38 (458)
22 — 28 сентября 1997 г.

«И варежка в руке — предчувствием разлуки»

Мы никогда не встречались, но я знаю этого человека, я чувствую его. Наверное, благодаря фильмам по его сценариям («Я шагаю по Москве», «Мне двадцать лет», «Я родом из детства», «Ты и я», «Долгая счастливая жизнь») и, конечно, его поэзии. И еще — столько любезных моему сердцу людей о нем рассказывали... Шура Ширвиндт иначе как Генкой его не называет. На долю Гриши Горина выпала горькая доля вынимать Гену из петли... Эльдар Александрович (Рязанов, конечно) так тепло всегда о нем говорит.

Зиновий Ефимович Гердт вспоминал: «Звонок, открываю дверь. На пороге стоит Поэт. Это сразу видно — Поэт. Молча проходит в нашу новую тогда малогабаритную в Черемушках. «Здравствуйте, я — Гена Шпаликов. Я сочинил стихи про наш микрорайон: *Живу веселым,*

то печальным
В квартале
экспериментальном.
Горжусь я тем,
что наши власти
На мне испытывают
пластик...»

Зиновий Ефимович читал стихотворение до конца и заключал любимой фразой: «И тут запахло искусством».

Для меня, например, самое главное в данилевском «Я шагаю по Москве» — настроение, воздух, свободное, легкое дыхание... Вы помните босую девушку под дождем, и солнце сверкает в мокрых спицах велосипеда... Прочтите шпаликовский сценарий, там все это написано, да как!
**Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске...**

Потому, наверно, Белла Ахмадулина именно Шпаликову посвятил свои программные стихи:

**...И поспешит твое перо
к той грамоте витиеватой,
разумной и замысловатой,
и ляжет на душу добро.**

Но и он, Шпаликов, в долгу не остался, ответил посвящением:
... На Песчаной —

**все песчаню,
Лето, рвы, газопровод,
Белла с белыми плечами,
Пятьдесят девятый год,
Белле челочка идет.**

Просто, как дыхание, и как-то так легко-легко. Однако потом он напишет: «Прощай, Садовое кольцо, я опускаюсь, опускаюсь...», «Поэтам следует печаль, а жизни следует разлука...».

В общем, все это хотелось петь. И тут музыкальный редактор с «Мосфильма» Минна

Яковлевна Бланк дарит нам с Татьяной «Избранное» Геннадия Шпаликова, и в этой книге были сценарии и стихи. Чувствовал себя неслышанно разбогачившим. Я работал тогда в Пушкине-на-Оке над диссертацией. Но это нисколько не помешало уйти «в запой» Шпаликовым. Я буквально бредил этими строчками... «Людей теряют только раз и, след теряя, не находят...», «Остается во фляге невеликий

**Она его сразила наповал,
А маршал был выносливый
мужчина
И лошади об этом
не сказал.**

Случившийся в компании Александр Аркадьевич Галич тут же придумывает третью строфу, «дожимая» сюжет:
**И этот факт великая эпоха
Воспела в бодрых
песнях и стихах,**

нялись песни на стихи Шпаликова — аж сразу десять. В этом, 97-м, я вновь им «заболел»; будут еще песни, и к концу этого года, наверное, — компакт-диск. Назовем его «Я к вам травною прорасту». Не скрою, возникает чувство ревности, когда кто-то другой тоже пишет музыку на его стихи (к П. Тодоровскому, поющему «Рио-риту», это не относится). Кажется, что

«Я к вам травною прорасту...»

НАШИ ДАТЫ

**В сентябре
исполнилось бы
60 лет
Геннадию
Шпаликову**

запас...», «Рио-рита, Рио-рита, вертится фокстрот...», «Я к вам травною прорасту...»

Был еще один подарок. Владимир Яковлевич Венгеров прислал из Ленинграда пленку с домашними записями давних лет. Там голос Гены Шпаликова. Ну совсем не поставленный голос и какой-то беззащитный. Слава Богу, в той компании его любили. Исаак Шварц, Булат Окуджава, Петр Тодоровский, Андрей Тарковский, Марлен Хуциев... Неважно, где эта компания собиралась, в Питере или Москве. Гену любили. «Страна не похалует обо мне, но обо мне товарищи заплачут...». Лариса Шепитько, Юрий Визбор, Владимир Высоцкий... Очень живо представляю себе такую картинку. Дабы потешить товарищей, Гена поет:

**У лошади была
грудная жаба,
А лошади —
послушное зверье.
И лошадь на парады
выезжала
И маршалу молчала
про нее.
А маршала сразила
скарлатина,**

**Хоть лошадь та
давным-давно издохла,
А маршала
стгноили в Соловках.**

И все. Это уже стало песней Галича. Я не знаю, как это объяснить, но мне кажется, что Гена такое не мог бы написать. Он если и был диссидентом, то всем естествен, свободным по природе своей. Оттого его так давила Система. Дышать становилось все трудней...

**...На ледяной реке
следы, дымы и звуки,
и варежка в руке —
предчувствием разлуки.**

Но вернусь в Пушкино. Это был счастливый год, когда сочи-

именно ты понял про Гену больше других. Стараюсь бороться с этим по мере сил.

Однако не могу не поделиться... Один наш друг из Самары рассказывает. Его четырехлетний Паша, наслушавшись записей Татьяны и Сергея Никитиных, едет однажды в трамвае и во всю мощь распевает: «Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут!» И все — только одну эту шпаликовскую фразу. Весь трамвай улыбается. Как улыбаются весной первым зеленым побегам...